

— Ваше Величество, отпустите же меня!

Линь Юньфэн, взваленный на плечо женщины, подбородком упирался в её крепкую спину. Он отчетливо чувствовал, как перекачиваются под кожей её мышцы — такая упругость бывает лишь у тех, кто годами изнуряет себя тренировками. Она была даже крепче, чем лучшие воины из его личной гвардии.

Его охватили стыд и ярость. Он изо всех сил пытался дотянуться до подлокотников своей инвалидной коляски, а полы его черного шелкового халата разметались, взметнув в воздухе беспорядочные потоки ветра.

— Зови меня Яо-Яо, — не оборачиваясь, бросила Вань Яо.

Её шаги были выверены с точностью мастера, расставляющего камни на доске: каждая ступня ложилась ровно в стык между каменными плитами. Она держала спину идеально прямо и, даже неся на плече взрослого мужчину, не сбивала дыхание.

— Императрица, это совершенно неподобающе! — голос Линь Юньфэна сорвался на негодующий крик. Его лицо пылало так, что на щеках можно было поджарить яичницу, а пунцовая краска залила даже шею.

За свои двадцать пять лет он повидал многое: проливал кровь на полях сражений, выстаивал наказания на коленях в родовом храме, но еще никогда не чувствовал себя настолько униженным — как мешок с рисом, который тащат в спальню на виду у десятка подчиненных, затаивших дыхание за дверью.

Вань Яо внезапно остановилась. Линь Юньфэн едва не прикусил язык, ударившись подбородком об её лопатку. Она бросила через плечо небрежным тоном:

— Ребенок больше не нужен?

Линь Юньфэн замер, и все его попытки вырваться прекратились. Подлокотники коляски были всего в двух шагах, но эти три слова подействовали как заклятие, намертво пригвоздив его к месту.

Он чувствовал запах её волос — травяной, с легкой горчинкой лекарственных снадобий, которые она варила изо дня в день. Этот аромат, прежде такой привычный, сейчас сдавил ему грудь.

Ему оставалось лишь смириться и позволить ей нести себя дальше. Его уши горели так, что, казалось, вот-вот закапает кровь, приобретя цвет полированного агата. Он слышал собственное сердцебиение — оно гремело в груди, как боевой барабан, куда громче, чем в его первом настоящем бою.

Линь Юньфэн про себя решил: это точно не та ядовитая змея, что была раньше!

Впрочем, какими бы чарами она ни владела, ребенок был его единственным слабым местом. Он до боли в зубах ненавидел это признавать.

Спустя долгое время он наконец выдавил из себя глухим, сдавленным голосом:

— Отпусти. Я сам.

Последнее слово прозвучало едва слышно, словно он боялся, что его подслушают.

— Ладно, только поживее, — Вань Яо с усмешкой разжала руки, напоследок ощутимо ущипнув его за бок.

Когда Линь Юньфэн, пошатываясь, твердо встал на ноги, он обнаружил, что до края кровати оставалось всего полшага. Похоже, все его сопротивление было для неё не опаснее кошачьих царапин. Он ухватился за край постели и передвинулся, чувствуя непривычную слабость в ногах — не от немоги, а от кипевшей внутри ярости.

Под черным халатом его уши все еще полыхали. Повернув голову, он столкнулся с насмешливым взглядом Вань Яо. Она смотрела на него как сытая кошка, и в её глазах отчетливо читалось: я добила своего.

— На что уставилась? — голос Линь Юньфэна охрип. Он поднял руку и дернул ворот, пытаясь скрыть пылающую шею.

Он подозревал, что она настоящая ведьма. Нет, это было не ругательство, а констатация факта. Он был уверен: небожители не могут быть такими бесстыдными!

Вань Яо ничего не ответила, лишь наблюдая за его неверными шагами, и машинально потирала пальцы, которыми только что касалась его талии. Там, под тканью, мышцы напряглись, словно холодное железо, которое никак не удавалось прогреть. Она вдруг подумала, что это перерождение в мире смертных куда интереснее, чем бесконечные медитации в обители небожителей.

Десяток мужчин за дверью стояли красные как раки. Ноги их словно стали ватными, они пятились назад, мечтая оказаться как можно дальше от этой странной и смущающей сцены.

Как только Линь Юньфэн удержался за кровать, на его поясницу легла теплая ладонь.

Пальцы Вань Яо, прохладные от постоянного контакта с лекарствами, нежно скользнули по его напряженной талии, словно разглаживая рельеф мышц под шелковым халатом.

— Чего ты так разволновался? — её дыхание опалило его ухо, обдав жаром с привкусом трав. — Колени не ноют после того, как долго стоял на коленях в храме?

Спина Линь Юньфэна мгновенно одеревенела. Краснота с ушей поползла вниз по шее, окрашивая даже ключицы. Он хотел отстраниться, но рука, лежащая на пояснице, не позволяла — прикосновение было легким, но исполненным непреклонной силы.

— Ваше Величество... — голос застрял в горле, словно его перехватило петлей. Поворачиваясь, он неловко задел медный таз у кровати — звон металла в тишине комнаты прозвучал оглушительно.

Вань Яо воспользовалась моментом, чтобы придержать его за локоть. Её пальцы случайно прошлись по углублению в сгибе руки — там остался шрам, след от вражеской стрелы, полученный им в давнем походе. Она неожиданно встала на цыпочки и губами коснулась линии его челюсти, намеренно дерзко прошептав:

— Зови меня Яо-Яо.

Дыхание Линь Юньфэна стало тяжелым. Он поднял руку, чтобы отстранить её, но ладонь уперлась в её упругое плечо. Мышцы под пальцами были твердыми, как теплый нефрит, и обладали тем особенным жаром, свойственным воинам, от которого кончики его пальцев онемели.

— Перестань, — прохрипел он, глядя на приоткрытый ворот её платья. Красный след, оставленный на её коже прошлой ночью, еще не сошел, напоминая цветок красной сливы на снегу. Это зрелище жгло ему глаза.

Вань Яо, напротив, прижалась к нему теснее. Черная ткань её плотного костюма терлась о его халат, издавая едва слышный шелест. Она обвила руками его шею, и крупная жемчужина на её заколке качнулась, коснувшись ключицы.

— Разве я мешаю? Я передаю тебе свою духовную энергию.

Она вдруг надавила сильнее, заставляя его склонить голову. Линь Юньфэн почувствовал на её губах привкус цукатов — это был личи, деликатес из дворцовой кухни. Сладость была приторной, но она невольно напомнила ему о засахаренных цветах османтуса, которые он тайком пробовал в детстве.

— Закрой глаза, — прошептала Вань Яо, едва касаясь кончиком носа его носа, снова дразня его, как в детской игре.

Линь Юньфэн не двигался, глядя на изгиб её век. Там до сих пор оставался след от косметики, призванной подчеркнуть её красоту, но сейчас, из-за близости дыхания, кожа слегка

покраснела, подобно лепесткам цветов после утренней росы. Он внезапно вспомнил, как она лежала на подушке прошлой ночью — с такими же порозовевшими веками и мелкими капельками пота на ресницах, похожими на россыпь звезд.

Не успел он опомниться, как его губы накрыло теплом. Поцелуй Вань Яо был неловким и порывистым. В нем не было подобающей императрице степенности, скорее, она напоминала голодного зверька. Когда она кончиком языка осторожно коснулась его зубов, то случайно задела клык.

— Мгх... — она тихо охнула и хотела было отстраниться, но Линь Юньфэн перехватил её за затылок. Его ладонь, покрытая мозолями от долгого владения мечом, запуталась в её волосах, и хватка становилась всё крепче.

Поцелуй мгновенно изменил свой характер.

В дыхании Линь Юньфэна чувствовался легкий запах лекарств. Он захватил её с властной жадностью, напоминая волка, преследующего добычу в степи — в нем сквозило долго сдерживаемое терпение. Он чувствовал сладость личи на её языке, но стремился проникнуть глубже, словно пытаясь выведать в этой сладости что-то иное — была ли это та самая хваленая небесная сила или хитрость, которую она прятала на дне своих глаз?

У Вань Яо подкосились ноги, она инстинктивно привстала на цыпочки и впилась пальцами в его спину. Мышцы под темным халатом напряглись, как тугая тетива лука, но под её нажимом вдруг слегка дрогнули, выдав скрытую мягкость.

Луна за окном внезапно спряталась за облака, погружая комнату в полумрак. Рука Линь Юньфэна скользнула по линии её талии, пальцы зацепились за шнурок костюма и потянули —

Раздался резкий звук рвущейся ткани, и шелковые ленты разошлись, обнажая белую нательную рубашку. Талия Вань Яо в лунном свете казалась отлитой из жемчуга, а мышцы под его ладонью слегка подрагивали, как у пойманной рыбы.

— Разве ты не хотел сделать всё сам? — она, задыхаясь, повернула голову и потерлась носом о его мочку уха с лукавой улыбкой. — Почему замер?

Кадык Линь Юньфэна дернулся, пальцы застыли на шнуровке. В комнате остались лишь их сбивчивое дыхание да приглушенный стрекот сверчков снаружи. Он вдруг наклонился и подхватил её на руки — движение не было безупречным, даже немного шатким, но в нем чувствовалась неоспоримая сила.

— Ты же говорил... — Вань Яо не успела закончить, так как он грубовато опустил её на постель. Когда её спина коснулась мягкого одеяла, она снова почувствовала его аромат.

Линь Юньфэн навис над ней, опираясь коленом о край кровати; из-за больной ноги ему пришлось слегка повернуться. Он смотрел на её волосы, разметавшиеся по подушке, и, внезапно склонившись, нежно прикусил её ключицу, там, где остался след от укуса.

— Береги силы, — прошептал он, — нам еще предстоит долгое сражение.

Вань Яо вздрогнула от его укуса и попыталась оттолкнуть его, но он перехватил её запястья и прижал их к подушке над головой. Его ладони были обжигающими, а сквозь пальцы пробивался лунный свет, отбрасывая на её руки причудливые тени, словно серебряные кандалы.

— Линь Юньфэн... — в её голосе звучала досада, смешанная с чем-то иным. Финал фразы прозвучал протяжно и вкрадчиво, словно нить, обвившаяся вокруг его сердца.

Он ничего не ответил. Лишь поцелуи скользнули от её ключиц вниз, по крепким мышцам, развитым тренировками. Кожа там была прохладной, но под его губами она начала стремительно нагреваться, словно зажженный фитиль, ведущий в самую глубь.

Кровать тихо скрипнула, тяжелые полога опустились, скрывая лунный свет и всё, что происходило в спальне. Лишь изредка вырывавшиеся стоны, смешанные со стрекотом насекомых, казались в тишине ночи особенно отчетливыми — словно нестройная песня, которую два человека, полные своих тайных мыслей, пели вразнобой.

<http://bllate.org/book/18849/1837694>